

монастырю с первых же лет его существования. По мнению одного такого исследователя, в библиотеке Троицкого монастыря уже в XIV в. находились и Кондакарь XII в. (ГБЛ, ф. 304, № 23), и пергаменное Мерило Праведное второй половины XIV в. (ГБЛ, ф. 304, № 15), и Златая цепь конца XIV в. (ГБЛ, ф. 304, № 11), и многие другие замечательные памятники письменности и книжного искусства. О Кондакаре он выразился даже так, что по его крюковым нотам (автор плохо знал типы древнерусских нот и не отличал крюков от кондакарной нотации) пели в монастыре еще при жизни преподобного Сергия.³⁷ На самом же деле собрание пергаменных и вообще старейших рукописей Троице-Сергиевской лавры составилось постепенно, на протяжении нескольких сотен лет, и в него вошло немало рукописей, история которых никак не связана с историей лавры. Упомянутая Златая цепь конца XIV в. появилась в лаврской библиотеке не раньше рубежа XVI—XVII вв., а сначала принадлежала некоему Афанасию Горину, о чем на ее первом листе имеется и соответствующая запись. Пергаменное Мерило Праведное второй половины XIV в. поступило сюда не раньше 1634 г., так как в Описи 1642 г., сделанной в Троице-Сергиевом монастыре, из трех упомянутых ею списков Мерил в библиотеке находилось только два бумажных экземпляра,³⁸ а третий экземпляр, материал которого не указан и под которым надо подразумевать пергаменный список, значится в этой Описи в числе новоприбывших рукописей, поступивших при казначее старце Симоне Азарьине (1634—1646).³⁹ Вообще история монастырских рукописных собраний, комплектованных не только и даже не столько путем переписки книг в стенах самого монастыря, сколько путем вкладов и за счет рукописей, оставшихся после смерти монахов, в руки которых они уже попадали неизвестно откуда, заставляет отнестись к рукописям лаврского собрания так же осторожно, как и к рукописям Чудова монастыря, т. е. опираться на памятники, троицкое происхождение которых либо бесспорно, либо весьма вероятно,

Когда мы говорим о монастырских библиотеках, мы должны постоянно помнить, что какие бы разнообразные источники ни использовались для их собрания, все же среди старейших рукописей того или иного монастыря, близких по времени его основанию, обязательно найдутся и местные рукописи. Это убеждение должно покоиться на том основании, что, согласно законам, выработавшимся еще на византийской почве и определявшим круг занятий монахов, последние были обязаны посвящать время, свободное от церковной службы, чтению книг, а в тех случаях, когда их грамотность простиралась до способности к письму, то и переписке рукописей.⁴⁰ Правила византийских монастырей по этому предмету еще на заре истории русского иночества были твердо усвоены и в наших монастырях. Патерик Киево-Печерского монастыря дает наглядное представление о том большом значении, которое в его внутренней жизни занимали чтение и переписка книг, особенно в рассказах о Никоне и Феодосии, а также Иларионе, Никите, Григории и Спиридони.⁴¹ Поэтому не будет никакой на-

³⁷ Н. И. Кедров. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой лавры за первые три века ее существования. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения, 1892, октябрь, стр. 457.

³⁸ Загорский государственный историко-художественный музей-заповедник, Отдел рукописей, Опись 1642 г., лл. 296 и 302 об.

³⁹ Там же, л. 341.

⁴⁰ В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 226.

⁴¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. Под ред. Д. И. Абрамовича. Изд. Археологической комиссии. СПб., 1911 (серия «Памятники славяно-русской письменности», II), стр. 33—34, 36, 91, 96—97 и 120.